**УДК 342.552:327.84:355.40(571.6)(045)**

**Соколенко Артём Васильевич** – *аспирант Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: forum5022@mail.ru*

**А.В. Соколенко**
**A.V. Sokolenko**

# Взаимодействие ведомств и органов Российской империи в борьбе со шпионажем в Приамурском генерал-губернаторстве до начала Русско-Японской войны 1904 – 1905 гг.: особенности и проблемы

*Активность иностранных разведывательных структур против Российской империи в конце XIX в. потребовала принятия мер. Для борьбы со шпионажем был разработан механизм взаимодействия органов и ведомств Российской империи. Автор статьи проецирует этот порядок взаимодействия органов и ведомств Российской империи в борьбе со шпионажем на сложившуюся в конце XIX в. обстановку в Приамурском генерал-губернаторстве и проводит сравнительный анализ в частности действующего порядка взаимодействия органов и учреждений в западной части Российской империи с организацией и порядком его применения на Дальнем Востоке. На основе этого автор статьи определяет проблемы организации построения механизма взаимодействия российских органов и ведомств на Дальнем Востоке в борьбе со шпионажем в Приамурском генерал-губернаторстве и выделяет отличительные особенности его организации в данном регионе до начала Русско-Японской войны 1904 – 1905 гг.*

# Interaction of the departments and bodies of the Russian Empire in the fight against espionage in the Priamursk general governorship before the Russian-Japanese war of 1904 - 1905: features and problems

*Activity of the foreign intelligence structures against the Russian Empire at the end of the XIX century demanded taking measures. The mechanism of interaction of the bodies and departments of the Russian Empire was developed for the fight against espionage. The author of the article projects this order of interaction of the bodies and departments of the Russian Empire in the fight against espionage on the situation which developed at the end of the XIX century in the Priamursk general governorship and carries out the comparative analysis in particular of the acting order of interaction of the bodies and institutions in the western part of the Russian Empire with the organization and order of its application in the Far East. On the basis of it the author of this article determines the problems of organization of the creation of mechanism of interaction of the Russian bodies and departments in the Far East in the fight against espionage in the Priamursk general governorship and marks out distinctive features of its*

*organization in this region prior to the Russian-Japanese war of 1904 – 1905.*

***Ключевые слова:*** *Дальний Восток, Приамурское генерал-губернаторство, иностранная разведка, шпионаж, государственная безопасность, российские ведомства и органы, взаимодействие, особенности, проблемы.*

***Keywords****: the Far East, Priamursk general governorship, foreign intelligence service, espionage, state security, Russian departments and bodies, interaction, features, problems.*

Российская империя была самодержавной монархией, в которой существовала унитарная, централизованная система управления государством. При этом, бытует мнение, что среди элементов, формирующих и обеспечивающих устойчивость политической системы царской России на различных её уровнях, не было взаимодействия. Однако подобное утверждение, по нашему мнению, является, скорее, следствием того, что эволюция механизма взаимодействия ведомств и органов Российской империи не получила должного освещения в научных исследованиях, тогда как сам механизм взаимодействия (как межведомственный, так и внутриведомственный) являлся неотъемлемой частью государственного управления с присущими ему проблемами и недостатками. В данной статье будут рассмотрены ещё слабо исследованные проблемы взаимодействия ведомств и органов Российской империи в борьбе со шпионажем в Приамурском генерал-губернаторстве до начала Русско-Японской войны 1904 – 1905 гг.

Для обсуждения и организации мероприятий, в целях пресечения сбора иностранцами сведений о крепостях и других стратегических военных объектах на западной границе, 5 июля 1882 г. (здесь и далее все даты даны по старому стилю – А.С.) при Главном штабе состоялось совещание с участием представителей шести ведомств: Министерства внутренних дел (далее – МВД), Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ), Военного министерства, Генерального штаба, Министерства иностранных дел (далее – МИД) и Министерства финансов. Как отмечают исследователи, по участникам совещания можно было определить, кто касался дела борьбы со шпионажем в Российской империи на тот момент. Однако действовали они в рамках контрразведывательной деятельности без должной координации и взаимодействия, и проведение этого совещания было направлено в том числе на решение этой проблемы. В ходе совещания было решено усилить наблюдение за прибывающими в страну иностранцами, а также было предложено учредить постоянный полицейский надзор за иностранными военными и консульскими агентами. Однако, несмотря на то, что МВД направило губернаторам и начальникам жандармских управлений специальный циркуляр с требованием организовать полицейский надзор за указанными иностранными представителями, на практике данное

предписание начнут исполнять только через двадцать лет, т. е. незадолго до начала Русско-Японской войны [1, с. 117 – 118 ; 2, с. 87].

Поставленный же на совещании вопрос об усилении наблюдения за прибывающими в страну иностранцами с целью пресечения сбора ими сведений о крепостях и других военных объектах на западной границе удалось претворить в жизнь. К слову, нужно сказать, что контроль над иностранцами, прибывшими в Российскую империю, осуществлялся и ранее. Вёлся учёт прибывающих в Российскую империю иностранцев, в особых случаях осуществлялось наблюдение за дипломатами, коммерсантами, путешественниками, которые всегда считались потенциальными разведчиками. Таким способом искали среди них шпионов. В ходе совещания 1882 г. каких-либо других способов борьбы с иностранным шпионажем, кроме как усилить уже существующий контроль над иностранцами, вновь не было предложено. Как отмечают И.И. Васильев и А.А. Зданович, долгое время власти Российской империи считали, что с иностранным шпионажем можно было бороться традиционными средствами: путём негласного надзора за иностранцами и совершенствованием системы засекречивания документов. Иных способов осуществления контрразведывательных мероприятий в результате отсутствия ясной и жёсткой позиции российских властей по отношению к такой угрозе для внешней безопасности государства, как шпионаж, до начала Русско-Японской войны 1904 – 1905 гг. в России фактически не было [3, с. 150 – 151].

По итогам совещания был разработан механизм взаимодействия органов и ведомств по организации негласного наблюдения за иностранцами, прибывающими в Российскую империю. О том, как должен был выстраиваться механизм негласного наблюдения за иностранцами, можно судить по Краткому систематическому своду действующих законоположений и циркулярных распоряжений, составленному полковником В. И. Добряковым для чинов губернских жандармских управлений [4, с. 113 – 119]. Изложенный в этом своде в циркулярных распоряжениях Порядок взаимодействия органов и ведомств по реализации негласного наблюдения за прибытием и пребыванием на территории России лиц, вызывавших подозрения в ведении шпионажа, подробно описан в монографии И.Н. Кравцева [2, с. 87 – 90]. В рамках данной статьи выделим лишь наиболее важные особенности этой схемы взаимодействия.

Общий смысл Порядка реализации мероприятий по пресечению разведывательной деятельности рассмотрим на примере циркуляров и инструкций Департамента государственной полиции и Департамента полиции МВД. Иностранец, желающий с той или иной целью посетить Россию, для получения разрешающих документов на въезд на территорию страны должен был обратиться в российское учреждение МИДа там, где он находился. После этого, начиная с момента получения необходимых документов в российском посольстве или консульстве и заканчивая обратным его возвращением в страну своего пребывания или проживания,

иностранец при определённых обстоятельствах мог стать объектом длительного и сложного процесса наблюдения за ним. На стадии проверки представленных документов консульские работники проверяли сведения о личности иностранца. Полученная информация иногда позволяла говорить о том, что его деятельность вызывала определённые подозрения, а в отдельных случаях имелся повод считать, что иностранец является разведчиком. Консульские работники сообщали российскому военному агенту (военному атташе) данные о направлявшихся в Россию иностранцах, среди которых были и военнослужащие (как бывшие, так и действующие). Военный агент собирал сведения о таких иностранцах и затем сообщал шифрованными телеграммами в Военно-учёный комитет Главного штаба основные характеризующие данные на эту категорию граждан: их фамилии и имена, звания и должности, а также заявленную ими цель поездки и маршрут. Главный штаб рассылал эти сведения по округам и, если это было необходимо для проведения оперативных мероприятий, в Департамент полиции с просьбой установить за указанными лицами негласный надзор [1, с. 117 – 118 ; 3, с. 151 – 152 ; 5, с. 89].

17 июня 1871 г. по личному повелению Александра II пропуск лиц на основных путях международного сообщения России должен был быть передан от чинов таможни и портовых управлений к чинам Отдельного корпуса жандармов [6, с. 3]. Для этого в западной части страны на сухопутной границе, пограничных железнодорожных станциях, а также в речных и морских портах были образованы жандармские пограничные пункты [7, с. 110]. Паспортный досмотр* в них осуществлялся чинами жандармерии. Консульские работники извещали указанные органы специальными шифрованными телеграммами о прибытии иностранца, за которым необходимо установить наблюдение, либо в документах такого иностранца ставили условный знак. Согласно требованиям циркуляров Департамента государственной полиции, условным знаком являлась подчёркнутая фамилия двумя линиями, однако Отдельного корпуса жандармов ротмистры Я.М. Варзарь и Егоров указывали, что это мог быть и двойной номер, который являлся сигналом для российских органов, осуществляющих проверку документов на границе. На пограничных пунктах велась книга, в которую в алфавитном порядке записывались все лица, которым был запрещён въезд в Российскую империю, тех кого нужно было задержать при пересечении границы, либо за кем нужно было установить скрытое (негласное) наблюдение. Кроме того, в эту же книгу записывались данные о потерянных и похищенных паспортах и видах на жительство, но только те, которые служили для перехода через границу. Все указанные сведения поступали на пограничные пункты от Департамента полиции, а

* В современном понимании процедура схожая с процессом осуществления пограничного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, но не идентичная ей, так как для характеристики системы пропуска лиц, товаров и грузов через государственную границу Российской империи на рубеже XIX – XX вв. понятия «пограничный контроль», «органы пограничного контроля» не совсем приемлемы // См. об этом: Иванова Т. Без паспорта никто быть не должен… // Вестник границы России. 1999. № 3 – 4. С. 110.

также Департамент полиции направлял их в Департамент таможенных сборов, и оттуда все эти списки рассылались местным таможенным органам. Российские подданные и иностранцы, следующие через границу, записывались в специальные книги и проверялись по этим алфавитным спискам [4, с. 114; 6, с. 3 – 4, 8, 11 – 12; 8, с. 48].

Прибывший на таможенную рогатку или жандармский пограничный пункт иностранец, с вышеуказанным условным знаком, подвергался более тщательному таможенному досмотру. Жандармский офицер, обнаруживая в документах у иностранца этот знак указывал начальнику таможни, что необходимо провести тщательный осмотр его вещей. Если в ходе проведения паспортного и таможенного досмотра у иностранца ничего подозрительного не обнаруживалось, ему разрешали следовать дальше. При этом, независимо от нанесения условного знака на паспорт подозрительного путешественника в консульствах, такой же знак, с отметкой пункта, куда он следует, ставился при таможенном осмотре. Иностранца предупреждали о том, что он должен перед отправлением куда-либо дальше ставить в известность об этом местную полицию, а те, в свою очередь, в паспорте ставили отметку и прописывали тот пункт, куда он следует. Эта отметка являлась сигналом для установления негласного наблюдения за этим иностранцем (куда бы он ни направлялся) чинами жандармерии, общей полиции либо в их отсутствии наблюдение могли поручить чинам военного ведомства.

Кроме того, в механизм наблюдения за иностранцами были включены и другие ведомства, в частности Министерство путей сообщения. Так, на железнодорожном транспорте осуществление надзора за иностранцем, который за период наблюдения за ним не вызвал к себе особых подозрений, поручалось кондуктору, в иных случаях наблюдение вели жандармские чины в штатском. По прибытии наблюдаемого в место назначения жандармский унтер-офицер предупреждал об этом местные полицейские власти. Одновременно с установлением наблюдения за иностранцем таможенные и жандармские чины сообщали об этом по телеграфу местным губернаторам, органам полиции и в штабы военных округов. Если за время пребывания на территории России иностранец вызвал к себе определённые подозрения, то местная полиция ставила в документах обязательно такой же знак, что и работники российских дипмиссий. Иностранцы по выезду из Российской империи должны были получить у местных органов полиции справку (удостоверение) «О неимении препятствий на выезд их из России». Для иностранцев, проезжающих транзитом через Россию, это правило было отменено Циркуляром Департамента полиции №4812 от 19 августа 1903 г. И хотя этой мерой российские власти в первую очередь хотели облегчить проезд иностранных пассажиров, едущих с Дальнего Востока по Сибирской железной дороге в Западную Европу, но для пассажиров, следующих с билетами прямого Западно-Европейско-Русско-Китайского сообщения, это требование было отменено только 5 августа 1909 г. Циркуляром Департамента полиции №32580, о чём 5 ноября 1909 г. было объявлено начальником штаба ОКЖ Д.К. Гершельманом. Что касается отметки,

которую проставляла местная полиция, то она важна была в том случае, если иностранец выезжал из страны на поездах. Дело в том, что таможенный осмотр в этом случае не проводился, и поэтому вещи иностранца при убытии из России подвергались тщательному осмотру, но уже со стороны чинов корпуса жандармов. Во всех случаях при задержании таких иностранцев, уличённых в разведке, об этом чины, задержавшие таковых, должны были немедленно телеграфировать дипломатическому работнику, гражданином страны которой является иностранец, а также российским органам: министру иностранных дел или управляющему министерством, местному губернатору и начальнику штаба военного округа [4, с. 114 – 117; 9, л. 20 (с. 39); 10, л. 3 – 4].

Для того, чтобы облегчить организацию полицейского надзора за иностранцами Главный штаб должен был составлять и рассылать всем административным органам перечень тех городов и районов, которые представляли особый интерес для разведчиков. Далее Департамент полиции на основе сведений, предоставленных Главным штабом, составлял свои циркуляры, которые направляли губернаторам и начальникам жандармских управлений. Ответственность за организацию негласного наблюдения за такими иностранцами лежала в МИД на дипломатических сотрудниках заграничных учреждений; в МВД – на генерал-губернаторах, губернаторах, градоначальниках, начальниках органов общей полиции; в ОКЖ – на начальниках жандармских управлений, в том числе и на железных дорогах, начальниках жандармских пограничных пунктах; в Министерстве финансов – на начальниках таможенных органов на границе; в военном ведомстве – на штабах военных округов и комендантах крепостей [4, с. 118 – 121]. Разработанный по итогам совещания 1882 г. механизм взаимодействия органов и ведомств Российской империи по осуществлению негласного наблюдения за подозрительными иностранцами действовал до начала Русско-Японской войны 1904 – 1905 г. и с небольшими изменениями после её окончания.

Однако, спроецировав указанный механизм взаимодействия органов и ведомств Российской империи на Дальний Восток рассматриваемого периода, можно констатировать, что реализация его здесь наталкивалась на определённые трудности. Как следует из анализа циркулярных распоряжений 1882, 1883, 1888 гг., по практической реализации механизма взаимодействия по установлению негласного наблюдения за прибывающими в Россию иностранцами разработан он был применительно к западной части страны. Обращаясь к циркулярам Департамента полиции с перечнем территорий, которые представляли особый интерес для разведчиков, являющихся важными в стратегическом отношении, составленным на основе сведений, предоставленных Главным штабом, можно увидеть, что первоначально списки состояли исключительно из тех территорий и местностей Российской империи, которые были расположены в западной части страны. Никакого упоминания о Дальнем Востоке в них не было. Видимо, на тот момент в военном ведомстве считали, что российские дальневосточные территории не

представляли интерес для иностранной разведки (см.: [4, с. 113 – 121; 11, л. 40 – 42 об., 108 – 109 об., 113 – 113 об.]).

Ситуация стала меняться только после того, как военный министр П.С. Ванновский дважды – 26 мая 1892 г. и 10 июня 1893 г. – обратился к министру внутренних дел И.Н. Дурново. Военный министр просил министра внутренних дел напомнить губернаторам и начальникам губернских жандармских управлений об их обязанности оказывать содействие комендантам крепостей в организации мероприятий по противодействию разведывательной деятельности иностранцев. Второе пожелание Ванновского заключалось в том, чтобы губернаторы и начальники жандармских управлений поставляли также сведения об иностранцах, которые вызывают подозрение, командующим войсками в военных округах и уездным воинским начальникам. Когда Департамент полиции разослал циркулярные распоряжения на места с указанными требованиями военного министра, уже никакого упоминания о том, что мероприятия по оказанию содействия в борьбе со шпионажем относятся только к западной части страны, не было. Более того, эти циркуляры были направлены губернаторам Амурской, Забайкальской, Приморской областей и Приамурскому генерал-губернатору [4, с. 122 – 123; 11, л. 1 – 2 об., 8, 11 – 11 об., 38 об. – 39 об., 46 – 46 об., 49 – 49 об.].

Василий Егорович Флуг, военный губернатор Приморской области в 1905 – 1909 гг., который в 1892 г. состоял на службе в штабе Владивостокской крепости в чине капитана Генерального штаба, в своих воспоминаниях так описывает события тех лет. По его словам, в 1892 – 1893 гг. на западной границе России было возбуждено значительное число дел по шпионажу. В штаб Владивостокской крепости поступили несколько циркуляров Главного штаба с информацией о том, что некоторые из писарей штабов и войск, расположенных в Виленском и Киевском военных округах, были подкуплены немцами и австрийцами и выдали им секретную военную информацию. И эти сведения оказались как нельзя кстати для Дальнего Востока России. Как вспоминал Флуг, в 1892 г. один из писарей линейного батальона Владивостокского гарнизона Карл Гаковский выкрал и попытался продать несколько листков секретной вёрстной карты издания штаба Приамурского военного округа, но был вовремя арестован. В качестве экспертов по этому делу прокурором были приглашены два офицера Генерального штаба: начальник штаба Владивостокской крепости и капитан В.Е. Флуг [12, л. 15 – 16].

Для Дальнего Востока одной из проблем реализации разработанного в 1882 г. механизма взаимодействия по борьбе со шпионажем было то, что некоторые органы, задействованные в нём, появились здесь намного позже. Как было описано ранее, консульские работники должны были извещать российские таможенные органы или жандармские пограничные пункты специальными шифрованными телеграммами о прибытии иностранца, за которым необходимо было установить наблюдение, либо в документах такого иностранца ставили условный знак: подчёркнутая фамилия двумя

линиями либо двойной номер, – что являлось сигналом для российских органов, осуществляющих проверку документов на границе. Но в Приамурском генерал-губернаторстве до Русско-Японской войны жандармских пограничных пунктов не было. Осенью 1898 г. начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор Демидов обратился в Штаб ОКЖ с просьбой об учреждении жандармских офицерских пунктов в гг. Благовещенске, Николаевске-на-Амуре и во Владивостоке для просмотра паспортов как у пассажиров прибывающих, так и у выезжающих. Однако центральные власти не пошли навстречу и не одобрили это предложение [13, л. 1 – 7.].

Особенностью Приамурского генерал-губернаторства было то, что с 1856 г. по 1913 г. здесь действовала зона свободной торговли (имеется ввиду порто-франко, полностью ликвидированное после установления в июне 1910 г. таможенного обложения товаров на о. Сахалине и Камчатке и отмены 50-вёрстной полосы беспошлинного ввоза товаров по границе с Китаем с 1 января 1913 г.). Беспошлинный ввоз товаров стал одной из причин ввода в действие особых паспортно-визовых правил для этого региона, а, кроме того, органы, которые проверяли документы у граждан, пересекающих российскую государственную границу в Приамурском генерал-губернаторстве, тоже имели свои особенности. С середины XIX в. в Забайкалье и с 60-х гг. XIX в. на российском Дальнем Востоке проверка документов у лиц, пересекающих государственную границу Российской империи на сухопутной её части, осуществлялась командирами казачьих постов. Вообще нужно подчеркнуть, что на некоторых морских участках и в труднодоступных местах северных и северо-восточных территорий Приамурского генерал-губернаторства по побережью Охотского, Японского и Беренгового морей проверка документов у иностранцев осуществлялась местными органами общей полиции либо отдельными должностными лицами, заведующими полицейской частью в конкретном районе. Это могли быть командиры отдельных военных команд или же командиры казачьих команд. При этом, и после Русско-Японской войны ещё длительное время в северных и северо-восточных труднодоступных местах побережья Приамурского генерал-губернаторства проверка документов осуществлялась органами общей полиции и указанными должностными лицами, заведующими полицейской частью. Кроме этого, вскоре после учреждения 12 ноября 1869 г. Управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, на пограничного комиссара были возложены обязанности по организации охраны границы на сухопутном её участке от устья реки Туманган (р. Туманная), впадающей в Японское море на юге края, до станицы Графское на р. Уссури (ныне участок российско-китайской границы близ г. Дальнереченска Приморского края). Уссурийское казачество, осуществляющее охрану границы на этом участке по порядку охранной службы на границе, по вопросам пропуска лиц и грузов стало подчиняться пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае, на которого в том числе легли обязанности по проверке документов [14, с. 85 – 90; 15, с. 12, 24

– 33; 16, с. 53]. С 1898 г. два казачьих поста Петровский и Степановский в районе Амурского казачьего конного полка, расположенного среди маньчжурского населения левого берега Амура, по всем делам, касающимся пограничной службы, стали подчиняться пограничному комиссару Амурской области [17, с. 134].

Российскую границу в Приамурском генерал-губернаторстве иностранцы пересекали в общеустановленным порядке по своим национальным паспортам, визированным в российских миссиях и консульствах за границей, либо по специальным билетам, выданным этими же учреждениями, а по выезду получали у местной полиции удостоверение «О неимении со стороны полиции препятствий к выезду за границу», которое предъявлялось на пограничном пункте. Однако важно отметить то, что паспортно-визовый режим для китайцев, корейцев и японцев имел некоторые особенности. В частности, особые условия были предусмотрены паспортными правилами в Амурской области для зазейских маньчжуров. Они допускались на российскую территорию с правого берега р. Амур без паспортов по письменному свидетельству, выданному начальниками русских караульных постов в районе проживания маньчжуров. С 1 августа 1886 г. цинским подданным пересечение границы в Амурской области разрешалось только в районе г. Благовещенска и в станице Михайло-Семёновской, а в Приморской области в 1885 г. были уже открыты 8 переходных пунктов. По общим для всех иностранцев правилам въезда и проживания в Российской империи, визирование паспортов китайцев и корейцев осуществлялось русскими консульствами. Срок действия визы был один месяц, что давало право в течение этого времени неоднократно пересекать границу и находиться на территории Приамурского генерал-губернаторства. В то же время, если при переходе границы в паспорте виза отсутствовала, то она ставилась пограничными властями: командирами казачьих отрядов (участков), органами общей полиции или лицами, наделёнными полицейской властью, а также пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае, – с 1869 г. – в китайских заграничных билетах, а с 1888 г. – в паспорта корейцев [16, с. 52 – 54 ; 18, с. 64 – 65 ; 19, с. 92 – 93 ; 20, с. 136 ; 21, с. 230].

Японец перед отправлением в Россию визировал свой паспорт у российского консула или у русского посланника в Японии, что соответствовало общеустановленному порядку, однако, если японец отправлялся в Россию из портов Японии, где не было названных российских должностных лиц МИД, то плата за визирование паспорта вносилась по прибытии в Россию в русское казначейство. Перед прибытием во Владивосток пассажиры пароходов передавали свои паспорта ревизору парохода. Ревизор парохода по прибытии судна во Владивостокский порт передавал все паспорта чиновнику Владивостокского коммерческого порта, и уже после этого паспорт японского подданного передавался в Японское коммерческое агентство, откуда каждый японец должен был самостоятельно в течении 3-х дней прийти и забрать его. Таким образом, японский коммерческий агент нёс консульские обязанности, визируя и выдавая

подданным своего государства паспорта. Незадолго до своего отъезда японец, пребывающий менее 6 месяцев на территории Приамурского генерал-губернаторства, представлял в полицию свой паспорт и 60-ти копеечную гербовую марку для получения удостоверения «О неимении со стороны полиции препятствий к выезду за границу» [22, с. 13 – 15].

4 июня 1899 г. Император Николай II утвердил Мнение Государственного совета об учреждении в главных портах на Тихом океане – Николаевске и Владивостоке – четырёх должностей таможенных чиновников, что стало первым шагом по вхождению территории Дальнего Востока России в систему общероссийской таможенной службы. В 1901 г. специально по инициативе Министерства финансов в Устав паспортный внесли изменения, согласно которым проверку документов у лиц, пересекающих границу, можно было возлагать на таможенные учреждения. С мая 1901 г. право визировать паспорта китайцев и корейцев на границе было дано служащим российских таможен. Уже 30 апреля 1902 г. было объявлено об учреждении в Приамурском генерал-губернаторстве по всей границе с Китаем и Кореей и по морскому побережью Приморской области таможенных застав, переходных пунктов, а также таможенных постов, за исключением северных территорий Дальнего Востока России и о. Сахалина, где таможенные органы появились лишь к июню 1910 г. [16, с. 54 ; 18, с. 66; 23, с. 5 – 10]. Проверку документов у лиц, пересекающих российскую государственную границу в Забайкалье и Приамурье, стали осуществлять таможенные органы. В то же время, во Владивостокском порту паспортный досмотр пассажиров и членов экипажей судов был возложен исключительно на местные портовые органы, который они проводили во взаимодействии с таможенными органами. Жандармский пограничный пункт начнёт функционировать во Владивостокском порту только к концу 1907 г., но, при этом, с местных портовых органов обязанности по проверке документов у команды судна и пассажиров не были сняты (см.: [24, л. 53 – 54 ; 25, л. 2 – 2 об., 15 – 15 об.]).

В 1902 г. порядок визирования паспортов китайцев был вновь изменён. С этого времени визирование паспортов китайцев для въезда в Российскую империю должны были осуществлять только российские чиновники учреждений МИД за границей [18, с. 67 – 68 ; 19, с. 92 – 93]. Однако нужно сказать, что даже после того, как было определено, что визировкой документов должны ведать российские консульства, этот порядок практически ничего не изменил в сложившейся обстановке паспортно-визового режима в Приамурском генерал-губернаторстве для представителей жёлтой расы. Если обнаруживался китаец без проставленной визы в российском консульстве, то органам общей полиции или лицам, наделённым полицейской властью, командирам казачьих участков, руководству пограничных таможен и пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае было дано право взымать консульский сбор с проставлением отметки о визировании документа, после этого документы возвращались владельцу, и он мог следовать дальше. В труднодоступных северных и северо-восточных

территориях Приамурского генерал-губернаторства такая практика была постоянной проблемой ввиду слабости или вообще полного отсутствия на побережье этих обширных территорий каких-либо представителей российской власти, да и в других частях генерал-губернаторства нахождение, в частности, китайцев и корейцев без визированных документов было «нормальной» практикой.

К 1882 г. главным органом военного управления войск на Дальнем Востоке был Штаб Восточно-Сибирского военного округа, но уже в 1884 г. создаётся Приамурский военный округ, и его окружной штаб становится центральным органом военного управления на Дальнем Востоке России. Лишь незадолго до Русско-Японской войны, 30 августа 1903 г., войска и учреждения военного ведомства Приамурского военного округа были подчинены наместнику на Дальнем Востоке, но по многим вопросам штаб округа продолжал действовать самостоятельно [26, с. 172 – 173]. Введение окружной системы военного управления в ходе военной реформы 1860 – 1870 гг. (процесс формирования военных округов продлился с 1862 по 1906 гг.) повлекло за собой создание специальных органов военной разведки в штабах военных округов. Органы разведки в округах и подчинённых им соединениях комплектовались офицерами Генерального штаба. Предполагалось, что офицеры на должностях Генерального штаба в воинских соединениях должны были организовывать и вести разведку, в том числе и агентурную, но, как показывала практика, последнее осуществлялось за редким исключением. Непосредственно организация разведки в округах была возложена на отчётное отделение штаба округа [27, с. 98]. Так как никаких специальных органов, отвечающих исключительно за контрразведку, на тот момент в российских органах военного управления в округах не было*, то эта обязанность легла на плечи окружных разведывательных органов и подчинённых им соединений, комплектуемых офицерами Генерального штаба, которые, как уже отмечалось, должны были вести агентурную разведку, от которой можно было получить сведения, в том числе представляющие интерес в рамках контрразведки. Информацию о подрывной деятельности разведок противника в Военно-учёный комитет Главного штаба должна была предоставлять квартирмейстерская служба военного округа, в состав которой входило отчётное отделение [1, с. 118 ; 5, с. 89]. В апреле 1903 г. Военно-учёный комитет был упразднён, и с мая этого же года делопроизводство по борьбе со шпионажем перешло к военно-статистическому (разведывательному) отделению генерал-квартирмейстерской части Главного штаба [28, с. 51].

Отчётное отделение штаба Приамурского военного округа было учреждено только в 1896 г. в составе начальника отделения и его помощника,

---

* Формирование контрразведывательных отделений при штабах военных округов Российской империи началось с июля 1911 г., в частности, Хабаровского контрразведывательного отделения при штабе Приамурского военного округа с 20 июля 1911 г. // См.: Качкин А. Н. Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911 – 1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3 (39). С. 164 – 165.

а учреждение управления генерал-квартирмейстера состоялось в 1900 г. [29; 30]. Но необходимо сказать, что возможностей для эффективного осуществления контрразведывательных мероприятий у штаба округа не было. Отсутствие собственной внутренней агентуры для выполнения контрразведывательных мероприятий приводило к тому, что военно-окружной штаб вынужден был обращаться за поддержкой в этом сложном деле к местным губернаторам и начальникам жандармских органов. Корпус жандармов на Дальнем Востоке России фактически был включён в механизм противодействия иностранным разведкам только с октября 1893 г., когда было положено начало функционированию жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги. К началу 1904 г. в Приамурском генерал-губернаторстве также были учреждены Владивостокская крепостная жандармская команда (начала функционировать с 1-го февраля 1896 г.) и Забайкальское жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги (начало функционировать с 1-го июня 1899 г.) [31, с. 53 ; 32, с. 61 – 62 ; 33, с. 23].

Что касается военных агентов, то на Дальнем Востоке (без учёта «негласных военных агентов») до 1896 г. был только один официальный представитель российского военного министерства, причём, сразу на две страны: Китай и Японию. Официальные должности военных агентов в Японии и Корее были учреждены только в 1896 г. При этом, наладить тесное взаимодействие Штабу Приамурского военного округа с военными агентами было проблематично. Военные агенты не были самостоятельны в своих действиях, так как всю свою работу они должны были согласовывать с представителями учреждений МИД, к которым были приписаны, руководствоваться их указаниями, доставлять им необходимые сведения и сообщать о результатах своей деятельности. На практике такой порядок деятельности приводил к частым конфликтам военных агентов с сотрудниками учреждений МИД. Только в 1900 г. военным агентам на Дальнем Востоке, в соответствии с инструкциями (наставлениями), регламентирующими их деятельность, было предписано установить более тесное сотрудничество со Штабом Приамурского военного округа. Но, при этом, штабам военных округов, только с ноября 1903 г., в соответствии с новым Положением о письмоводстве в военном ведомстве, было разрешено напрямую вести переписку с официальными военными агентами, минуя Главный штаб. Но даже после этого особое делопроизводство Главного штаба всё время старалось препятствовать такому порядку и настаивало, чтобы все сношения с военными агентами происходили лишь через него [27, с. 91 – 94 ; 34, с. 23 – 25, 39 – 43 ; 35, с. 18 – 20, 37 – 38 ; 36, с. 162, 165].

Осенью 1903 г. военные агенты в Китае, Корее, Японии и морской агент в Японии были подчинены наместнику на Дальнем Востоке. В декабре 1903 г. был утверждён Проект Положения о военных агентах на Дальнем Востоке. С этого времени появилась реальная возможность сконцентрировать все сведения, поступающие не только от дальневосточных военных, но и от морских агентов, в одном месте и наладить с ними

устойчивые связи, в том числе для проведения необходимых контрразведывательных мероприятий. Нужно сказать, что до этого времени военно-морской агент в Японии* вообще действовал изолировано и никак не контактировал ни с местными военными агентами, ни с другими органами военного управления на Дальнем Востоке. Однако утверждение Положения о военных агентах на Дальнем Востоке практически совпало с началом Русско-Японской войны, и последующие события не позволили в полной мере реализовать этот проект [37, с. 52 – 55]. Консульские работники в Китае, Корее и Японии обо всех особенно важных и подозрительных иностранцах, желающих посетить Приамурское генерал-губернаторство или проехать транзитом через него, сообщали генерал-губернатору и местным властям той российской административно-территориальной единицы Приамурского генерал-губернаторства, через которую он собирался въехать или проехать. До Русско-Японской войны только лишь в исключительных случаях военные агенты связывались напрямую со штабом округа, чтобы сообщить о прибытии того или иного иностранца.

Как уже отмечалось, в первую очередь Департамент полиции отдавал распоряжение местным органам власти о необходимости установить негласное наблюдение за тем или иным иностранцем, получая указание об этом от Главного штаба. Так же такие требования к местной власти могли поступить и из Штаба Приамурского округа. От казачьих постов, пограничных комиссаров, таможенных органов, портовых органов, крепостных или железнодорожных жандармских чинов сведения о прибытии иностранца, за которым установлено наблюдение, поступали к органам общей полиции, в канцелярию военного губернатора или областное правление, начальнику о. Сахалина, коменданту крепости, канцелярию генерал-губернатора и в Штаб Приамурского военного округа. Негласное наблюдение на территории генерал-губернаторства осуществляла общая и жандармская полиции. Так как губернского жандармского полицейского управления в Приамурском генерал-губернаторстве не было, то со стороны железнодорожной жандармской полиции такое наблюдение осуществлялось только на станциях, в полосе отчуждения железной дороги и прилегающих к ней населённых пунктах, а крепостная жандармская команда ограничивалась надзором за иностранцами в крепостном районе. Остальная территория отдавалась на откуп общей полиции. Но из-за того, что не было окружной (уездной) полицейской стражи, поручения по наблюдению за иностранцами отдавались начальникам военных частей и соединений округа, дислоцированных в областях, и казачьим войскам на границе и приграничной полосе. Так как в определённые места Приамурского генерал-губернаторства можно было попасть только на водном транспорте, то в

* С февраля 1858 г. при русском консульстве в Хакогате в Японии назначали военно-морского офицера, который являлся негласным военно-морским агентом и действовал в интересах Главного морского штаба Российской империи. Однако по истечении времени деятельность негласных военно-морских агентов в Японии была признана неэффективной и в 1866 г. их деятельность была прекращена. Первый на постоянной основе морской агент в Японии был назначен 5 июня 1895 г. // См.: Емелин А Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2. С. 66.

период нахождения иностранцев на борту судна наблюдение за ними поручалось капитану судна. В то же время, нужно подчеркнуть, что под негласное наблюдение попадали лишь определённые лица, по которым имелись конкретные указания о необходимости слежки за ними. Так, под организованным негласным наблюдением с момента прибытия во Владивостокский порт Приамурского генерал-губернаторства находились английский отставной офицер Р.А. Нортон, который в феврале – мае 1900 г. проследовал через Порт-Артур, г. Владивосток и Сибирь в Англию, и начальник Генерального штаба военного ведомства Японии Виконт Каваками, который посещал Приамурское генерал-губернаторство в период с 27 июля по 28 августа 1897 г. [38, л. 259 – 262 ; 39, л. 106 – 108, 116, 123 об., 127, 132].

Однако нужно признать, что в полной мере организовать эффективный механизм взаимодействия по организации негласного надзора за иностранцами (как приезжающими, так и проживающими на Дальнем Востоке России) до начала Русско-Японской войны у местных органов управления и безопасности не было возможности. Огромная территория, малочисленность общей и жандармской полиции и постоянная нехватка средств заставляли местные органы Управления Приамурского генерал-губернаторства перекладывать эти обязанности на другие органы. Из-за плохих коммуникаций в почтово-телеграфной связи весь процесс обмена сведениями и отдачи необходимых указаний до исполнителей занимал длительный отрезок времени. От 1 до 4 месяцев уходило на то, чтобы циркуляры Департамента полиции со списками лиц, которым запрещался въезд в Российскую империю или за кем нужно было установить скрытое (негласное) наблюдение, со списками утерянных и украденных паспортов, а также циркуляры о розыске иностранных разведчиков, задержании и аресте подозрительных лиц дошли до Приамурского генерал-губернаторства. Далее этот материал от губернаторов направлялся в уезды (до 27 мая 1902 г. – в округа). В уездах в передаточном порядке, т. е. по кругу от одного должностного лица к другому, последний возвращал всю переписку с отметками всех должностных лиц об исполнении должностному лицу, отдавшему указание (уездному начальнику, исправнику, полицмейстеру), суть циркуляра доводилась до непосредственных исполнителей на местах. Для таможенных органов Департамент полиции весь материал со списками направлял в Департамент таможенных сборов, оттуда он рассылался губернским таможенным учреждениям, и уже они направляли всё полученное местным таможенным органам на границу и в порты. Так, указанные циркулярные распоряжения оказывались у органов общей и жандармской полиции, таможни, казачества и портовых органах Приамурского генерал-губернаторства. Процесс доведения на места различных требований и указаний занимал в отдельных случаях до полугода (см., например: [40, л. 196 об. – 199 об., 201 – 201 об., 224 – 229 ; 41, л. 108 ; 42, л. 1 – 5 об. ; 43, л. 1 – 13об. ; 44, л. 72 – 74, 80 – 82 об. ; 45, л. 68 – 69 ; 46, л. 6 – 119 об. ; 47, л. 13 – 16а об., 417 – 417 об., 427 ; 48, л. 119 – 123 ; 49, л. 24

– 39, 51 – 69]). Не удивительно, что регулярно возникали случаи, что те или иные указания выполнялись с опозданием.

За охрану границы и таможенный надзор на западной границе отвечало одно ведомство – Министерство финансов. Это давало преимущество в том, что на границе был один хозяин. Наладить взаимодействие между органами одного ведомства было проще, как и установить прочные связи с другими ведомствами [50, с. 220]. Таможенные органы, пограничная и корчемные стражи на западной границе, как отмечает А.М. Плеханов, тесно взаимодействовали с полицейскими и жандармскими учреждениями, и особенно активно с военным ведомством [51, с. 75 – 86]. Охрана российской границы в Приамурском генерал-губернаторстве казачеством не позволяла выстроить такой же, как в западной части страны, механизм взаимодействия. Регулярно возникали конфликтные ситуации между казаками и таможенными органами, что не способствовало слаженным действиям, в том числе в борьбе со шпионажем. Охрана государственной границы в Приамурском генерал-губернаторстве была краеугольной проблемой, так и не получившей разрешения в царский период времени. В итоге, совокупность указанных проблем в охране границы, в паспортно-визовом режиме и перекладывание функций по осуществлению паспортного досмотра на органы, для которых выполнение этой функции было не свойственно, обуславливала рост нелегального, особенно китайского и корейского, населения на территории Приамурского генерал-губернаторства, что не позволяло установить контроль за ними.

Ещё одной причиной невозможного установления эффективного наблюдения за подозрительными иностранцами, приезжающими в Приамурское генерал-губернаторство или проезжающими через него, являлся тот факт, что российское правительство, с экономической точки зрения, для привлекательности использования транзитного маршрута, пролегающего из российских портов на Тихом океане, по КВЖД, в Сибирь и далее в Западно-Европейскую часть материка, старалось максимально облегчить паспортные формальности при пересечении границы России на Дальнем Востоке и Забайкалье. Облегчение паспортных формальностей обсуждалось на конференциях по установлению прямого Западно-Европейского-Русско-Китайского сообщения. Иностранные члены конференции регулярно высказывались, что успех организуемого прямого сообщения в значительной степени зависит от упомянутого упрощения паспортного досмотра. В конце 1903 г. в Российской империи было образовано Особое междуведомственное совещание, целью которого было организовать в пограничных пунктах КВЖД паспортный надзор на самых упрощённых основаниях. Только начавшаяся в январе 1904 г. Русско-Японская война не дала дальнейшего хода установлению упрощённых правил пересечения русско-китайской границы по КВЖД [52, л. 50 об. – 51.]. С таким отношением к паспортному досмотру в Дальневосточном регионе сложно было установить надлежащий контроль за прибытием

подозрительных иностранцев и тем более решать какие-либо вопросы по усовершенствованию этой деятельности.

С другой стороны, для японской разведки способ получения и сбор необходимой информации о России путём отправки офицеров-разведчиков под видом путешественников, торговцев, коммивояжёров на тот момент был не единственным. Для этой цели ещё задолго до начала войны под руководством японских офицеров-разведчиков и агентов на территории Российской империи, в том числе и в Приамурском генерал-губернаторстве, стали создаваться тайные общества (некоторые из них учреждались под видом так называемых обществ взаимопомощи – А.С.) либо учреждались филиалы таких обществ уже существующих, например, в Китае, Корее или в самой Японии из проживающих на российской территории японцев, корейцев и китайцев, с помощью которых в интересах Японии активно велась разведка против России. Деятельность японской разведки на Дальнем Востоке России до начала Русско-Японской войны координировалась коммерческим агентством Японии во Владивостоке. Как отмечают исследователи, механизм взаимодействия японских ведомств и органов в рамках разведывательной деятельности против России накануне Русско-Японской войны был на очень высоком уровне. С учётом вышесказанного, дальневосточным властям что-либо противопоставить этому было затруднительно [53, с. 112 – 115 ; 54, с. 230 – 231 ; 55, с. 135 – 141 ; 56, с. 100 – 106 ; 57, с. 215 – 225].

Японцы на Дальнем Востоке ударили по России оружием, которое царское правительство «само создало». До 80-х гг. XIX в. переселение китайцев и корейцев на российские дальневосточные территории практически не ограничивалось. Более того, впоследствии определённой категории из них были предоставлены условия для получения российского подданства, чем многие воспользовались [18, с. 70 – 71, 79 – 80]. Кроме этого, приветствовались найм японских рабочих на различные виды работ и открытие ими своего дела в Приамурье, Приморье и Забайкалье: парикмахерские, прачечные, публичные дома («дома терпимости» – А.С.) и т. п. Уже в 1900 г. в Приамурском генерал-губернаторстве только общее количество проживающего китайского, корейского и японского населения составляло 66054 чел., и эта цифра продолжала расти. К этому числу нужно прибавить ещё количество нелегально находящихся представителей жёлтой расы в Приамурском генерал-губернаторстве, и становится понятно, что держать под постоянным наблюдением такое большое количество иностранного населения было просто невозможно [58, с. 1, 3 – 8].

Государственные власти Российской империи слишком поздно поняли, какую угрозу представляют тайные общества, созданные под эгидой Японии и существующие в Приамурском генерал-губернаторстве для государственной безопасности России. При этом, важно отметить, что ещё в 1898 г. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков высказал военным губернаторам озабоченность в том, что проживающие японцы в крае «… исполняют обязанности разведчиков», а посему необходимо было принять

меры для пресечения их разведывательной деятельности. Действительно военные губернаторы давали органам общей полиции отдельные поручения по установлению негласного наблюдения за японцами, а также о нежелательности найма японцев в качестве прислуги, но результата от проведения таких контрразведывательных мероприятий было мало [59, л. 1 ; 60, л. 13 – 14 ; 61, л. 22 – 22 об.].

Если же удавалось в Приамурском генерал-губернаторстве полиции и военными совместными усилиями задерживать иностранцев по подозрению в шпионаже, как, например, в июне 1902 г., когда в Уссурийском округе Приморской области была арестована японская агентурная группа, состоящая из трёх человек, то привлечь их к уголовной ответственности не представлялось возможным. Дело в том, что долгое время в уголовном законодательстве Российской империи была предусмотрена ответственность за государственную измену, а шпионажа (как отдельного состава преступления) предусмотрено не было. Как гласило военно-уголовное законодательство, наказание за шпионаж предусматривалось только в условиях военного времени и в местностях, объявленных на военном положении по наказаниям, определённым за государственную измену. Законом от 20 апреля 1892 г. №8513 «Об установлении наказаний за обнаружение государственных тайн» была установлена ответственность за шпионаж в мирное время. Однако на практике это мало на что повлияло. К тому же, у Российской империи с Китаем, Японией и Кореей были заключены договора об особом рассмотрении дел и привлечении к ответственности граждан двух государств [62 ; 63, с. 60, 105 – 109 ; 64, с. 90, 97 ; 65, с. 95, 102 ; 66 ; 67, с. 578 – 580 ; 68, с. 176 – 177]. Это, в свою очередь, отражалось на порядке рассмотрения дел в отношении подданных этих государств, подозреваемых в шпионаже. В целом, как отмечал В.Н. Клембовский в своей книге «Тайные разведки (военное шпионство)», изданной в 1892 г., на то время в России сложилась такая практика, что в мирное время иностранцев за шпионаж старались высылать за границу с запретом на въезд в страну, и этим их уголовное преследование ограничивалось [69, с. 130]. Так получилось и с указанными тремя японцами. Как отметил прокурор Иркутской судебной палаты Д.В. Малинин 28 октября 1902 г. в заключении по делу обвиняемых в шпионаже японцев, нужно было зачесть им в наказание время, проведённое под стражей и выслать за границу с запретом на въезд в Российскую империю [70, с. 38 – 40]. Уголовным уложением 1903 г. понятие шпионажа было значительно расширено, но, в то же время, это деяние рассматривали как один из видов государственной измены, и некоторые расхождения в положениях самого Уложения негативно сказывались на эффективности привлечения иностранных лиц к ответственности за такие преступления [71, с. 25 – 27 ; 72, с. 26 – 27]. В то же время, договора Российской империи с Китаем, Кореей и Японией об особом рассмотрении дел и привлечении к ответственности граждан двух государств продолжали действовать. Так, несовершенство нормативно-правовой базы Российской империи на рубеже XIX – XX вв. позволяло иностранцам,

задержанным по подозрению в шпионаже на территории России, уходить от ответственности или оставаться практически безнаказанными за совершение таких деяний. Понятно, что в таких условиях дальневосточные органы местного управления и безопасности для борьбы со шпионажем не могли сделать чего-то большего.

Таким образом, до Русско-Японской войны на Дальнем Востоке между российскими органами различных ведомств было организовано взаимодействие в рамках борьбы со шпионажем в Приамурском генерал-губернаторстве. Рассмотренный в статье механизм взаимодействия выстраивался в рамках общеустановленного порядка, однако, из-за административно-территориальных, социально-экономических, географических и других особенностей его организация на Дальнем Востоке имела существенные отличия от западной части страны. Из-за отсутствия некоторых органов, постоянной нехватки сил и средств российские дальневосточные власти вынуждены были перекладывать на другие учреждения не свойственные им функции контрразведки, что не могло не сказаться на качественном уровне выполнения задач по обеспечению государственной безопасности России на Дальнем Востоке. С началом Русско-Японской войны, в условиях военного времени, вопросы взаимодействия органов и ведомств на Дальнем Востоке по осуществлению контрразведывательных мероприятий приняли уже другой характер. В целом, проведение этих мероприятий было достаточным для обеспечения защиты собственных территорий Российской империи, но не могло повлиять на исход войны.

### *Литература и источники:*

*1. Лубянка: Из истории отечественной контрразведки / [авт. коллектив: В. С. Христофоров, Я. Ф. Погоний, В. К. Виноградов [и др.] ; Федер. служба безопасности Рос. Федерации. Главное арх. упр. г. Москвы. – [изд. 3-е, доп.]. – Москва : Изд-во Главархива Москвы Московские учебники и Картолитография, 2007. – 368 с.*

*2. Кравцев, И. Н. Тайные службы империи / И. Н. Кравцев ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации Под общ. ред. д.ист.н. В. А. Попова. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – 192, [1] с.*

*3. Васильев, И. И., Зданович, А. А. Защита военных и государственных секретов в России до начала XX в. / И. И. Васильев, А. А. Зданович // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. – М. : Кучково поле, 2007. – С. 131 – 173.*

*4. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / Сост. Добряков. – С.-Петербург : Типография Штаба Отд. корп. жанд., 1903. – VI. – 650 с.*

*5. Яковлев, Л. С. Российской контрразведке – 100 лет // Исторические чтения на Лубянке [Текст] : 2002 год: Сб. / ФСБ РФ; редкол.: А. А. Зданович, М. Н. Петров, В. Н. Хаустов. – М., 2003. – С. 87–104.*

*6. Варзарь, Я. М. Сборник законоположений и правительственных распоряжений по исполнению жандармскими чинами пограничных пунктов обязанностей по паспортной части / Сост. Отдельного корпуса жандармов ротмистром Варзарем ; доп. ротмистром Егоровым. – Санкт-Петербург : типо-лит. Мясника и Римана, 1890. – 31, [5] с.*

*7. Ульянич, А. Развитие пограничного и таможенного контроля на границах Российской империи в XIX в. // Власть. – 2010. – № 4. – С. 108 – 111.*

*8. Федотов, И. В. Становление и развитие контроля в пунктах пропуска в дореволюционный период // Военно-научный сборник. К 100-летию Отдельного корпуса пограничной стражи России (материалы научно-практической конференции). – 1993. – № 3 – 4. – С. 43 – 50.*

*9. Циркуляры для вклеивания в «Краткий систематический свод» полковника Добрякова. (К 1-му ноября 1903 г.). – Санкт-Петербург : тип. Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1903. – Л. 51 (102 с.)*

*10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов). – Оп. 4. – Д. 2502.*

*11. ГАРФ. – Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). – Оп. 49 (ранее 44). 2-е делопроизводство. 1892 г. – Д. 286.*

*12. Воспоминания белоэмигранта генерала от инфантерии Флуга В. Е., охватывающие период с 1896 г. по 15 апреля 1898 г. Рукописный экземпляр // ГАРФ. – Ф. Р-6683 (Флуг Василий Егорович). – Оп. 1. – Д. 1-в.*

*13. ГАРФ. – Ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов). – Оп. 3. – Д. 2497.*

*14. Шмонин, И. В. Взаимодействие Уссурийского казачества с управлением пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Российской империи // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 3. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН ; Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. – Хабаровск, 2011. – С. 85 – 91.*

*15. Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане / [сост. А. Г. Смирнов ; под ред. к. и. н. ген.-майора В. Комисарчука]. Владивосток: Русский Остров, 2004. – 336 с.*

*16. Коробченко, А. И. Паспортно-визовые правила и правовое положение иностранцев на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. / А. И. Коробченко, В. В. Синиченко // Восток (ORIENS). – 2009. – № 6. – С. 52 – 58.*

*17. Тимофеев, О. А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX – начало XX вв.) / О. А. Тимофеев ; Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока, М-во образования Рос. Федерации, Благовещ. гос. пед. ун-т. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – 307 с.*

*18. Тесленко, С. А. Китайская и корейская миграция в приграничные районы Дальнего Востока России (1890 – 1905 гг.) : монография / С. А. Тесленко. – Анапа : Институт береговой охраны ФСБ России, 2013. – 176 с.*

*19. Шелудько, В. О. Органы внутренних дел Приморья (1860 – 1917 гг.) / В. О. Шелудько, А. М. Буяков, В. А. Черномаз. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – 386 с + 0,9 п.л. вкл.*

*20. Сорокина, Т. Н. Учреждение должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае и изменение штатов его управления в конце XIX в. / Т.Н. Сорокина // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность : межвузовский сборник статей. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. – 204 с.*

*21. Алепко, А. В. Российская разведка в Северо-Восточном Китае (1896 – 1914 гг.) / А. В. Алепко, А. К. Жабицкий ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования "Тихоокеан. гос. ун-т". – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2012. – 309 с.*

*22. Васкевич, П. Г. Очерк быта японцев в Приамурском крае / П. Г. Васкевич. – Верхнеудинск : тип. А. Д. Рейфовича, 1905. – [4], [6], 25 с.*

*23. Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке. Документы и материалы (1899 – 1925 гг.) : сб. к 100-летию таможн. службы / Авт.-сост.: Н. А. Беляева, Н. А. Троицкая ; редкол.: В. В. Горчаков [и др.] // Гос. таможн. ком. Рос. Федерации [и др.]. – Владивосток : ВФ РТА, 1999. – 200 с.*

*24. ГАРФ. – Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). – Оп. 316. Особый отдел. 1898 – 1917 гг. – Д. 51 ч. 2 (1908 г.).*

*25. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702 (Канцелярия Приамурского генерал губернатора). – Оп. 4. – Д. 727.*

*26. Высочайшее повеление, объявленное военным министром о подчинение войск и учреждений военного ведомства Приамурского военного округа наместнику его императорского величества на Дальнем Востоке от 30 августа 1903 г. // Дальний Восток в материалах законодательства. 1903 – 1904 гг. – Владивосток, 2012. – 356 с.*

*27. Алексеев Михаил. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга I / Михаил Алексеев. – М. : Изд. дом "Русская разведка", ИИА «Евразия+», 1998. – 432 с., ил.*

*28. Донской, В. К. Становление органов госбезопасности в Приморье в первой четверти XX в. // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего. Материалы научно-теоретической конференции. 3–4 февраля 2003 г. – Владивосток, 2003. – С. 50 – 55.*

*29. Об усилении штата Штаба Приамурского военного округа. 24 июня 1896 г. № 13099 [Электронный ресурс]: Официальный сайт Российской национальной библиотеки. Полное собрание законов Российской империи. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 31.03.2015).*

*30. Штат штаба Приамурского военного округа, утверждённый 4 августа 1900 г., к № 19147 [Электронный ресурс]: Официальный сайт Российской национальной библиотеки Полное собрание законов Российской империи. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=369&part=1751 (дата обращения: 31.03.2015).*

*31. Качкин, А. Н. Формирование службы обеспечения безопасности Уссурийской железной дороги (1893–1917 гг.) / А. Н. Качкин // Дальневосточный форпост. – 2012. – № 13. – С. 50 – 56.*

*32. Качкин, А. Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды / А. Н. Качкин // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2013. – № 1. – С. 61 – 65.*

*33. Баринов, А. О. Стража: Очерки истории деятельности спецслужб России в Забайкалье в начале XX века (1901 – 1917) : научное издание / А. О. Баринов. – Чита : Экспресс-издательство, 2008. – 248 с.*

*34. Кондрашов, В. В. История отечественной военной разведки. документы и факты / В. В. Кондрашов. – 3-е изд. – Москва : Кучково поле, 2014. – 664 с.*

*35. Звонарёв, К. К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914 – 1918 гг. – В 2-х кн. – Кн. 1-я / К. К. Звонарёв. – М. : Издательская группа «БДЦ-пресс», 2003. – 304 с.*

*36. Добычина, Е. В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895 – 1897 гг. / Е. В. Добычина // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 161 – 170.*

*37. Добычина, Е. В. Российские военные агенты на Дальнем Востоке о реорганизации разведслужбы в регионе в 1901 – 1903 гг. / Е. В. Добычина // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 8. – С. 52 – 55.*

*38. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). – Ф. 967 (Владивостокский порт). – Оп. 1. – Д. 74.*

*39. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 451 (Япония). – Оп. 1. – Д. 6.*

*40. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. 1 (Забайкальское областное управление). – Оп. 1 (политическое отделение). – Д. 817.*

*41. Там же. – Ф. 14 (Особая канцелярия военного губернатора Забайкальской области). – Оп. 1. – Д. 16.*

*42. Там же. – Ф. 24 (Читинское уездное полицейское управление). – Оп. 1. – Д. 68.*

*43. Там же. – Оп. 3. – Д. 2.*

*44. РГИА ДВ. – Ф. 704 (Канцелярия военного губернатора Амурской области). – Оп. 6. – Д. 434.*

*45. Там же. – Ф. 827 (Амурское окружное полицейское управление. г. Благовещенск). – Оп. 1. – Д. 11.*

*46. Там же. – Ф. 874 (Благовещенская таможня. г. Благовещенск). – Оп. 1. – Д. 78.*

*47. Там же. – Ф. 522 (Южно-Уссурийское уездное полицейское управление. г. Никольск-Уссурийский). – Оп. 1. – Д. 23.*

*48. Там же. – Ф. 25 (Владивостокская таможня. г. Владивосток). – Оп. 1. – Д. 20.*

*49. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. 102 (Кяхтинская таможня). – Оп. 2. – Д. 143.*

*50. На страже границ Отечества. История пограничной службы / В. И. Боярский, В. И. Борискин, В. И. Бурдужук [и др.] ; Гл. редкол.: А. И. Николаев (пред.) [и др.] // Федер. погранич. служба Рос. Федерации. – М. : Граница, 1998. – 607 с: 4 л. ил.*

*51. Плеханов, А. М. Отдельный корпус пограничной стражи России : краткий исторический очерк / А. М. Плеханов. – М., 1993. – 283 с. : ил., портр. ; 20 см. – (Библиотека офицера).*

*52. ГАРФ. – Ф. 110 (Штаб отдельного корпуса жандармов). – Оп. 4. – Д. 2502.*

*53. Афонасенко, И. М. Россия и Япония: война разведок в начале XX в. : монография / И. М. Афонасенко. – Москва : б.и., 2008. – 357 с.*

*54. Пестушко, Ю. С. Неизвестные страницы японского шпионажа (1906 – 1917 гг.) / Ю.С. Пестушко // Япония. Ежегодник. – 2006. – № 35. – С. 230 – 242.*

*55. Полутов, А. В. Военно-морская разведка Японии против главной базы Тихоокеанской эскадры России накануне Русско-Японской войны 1904 – 1905 гг. / А. В. Полутов // Россия и АТР. – 2008. – № 3. – С. 134 – 143.*

*56. Полутов, А. В. Разведывательная деятельность коммерческого агентства Японии во Владивостоке накануне Русско-Японской войны / А. В. Полутов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2008. – № 5. – С. 100 – 106.*

*57. Полутов, А. В. Деятельность японской разведки во Владивостоке (1875 – 1902 гг.) / А. В. Полутов // Россия и АТР. – 2011. – № 2. – С. 215 – 228.*

*58. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Н. И. Гродекова. – Хабаровск, 1901. – 35 см.*

*59. Государственный архив Амурской области (ГААО). – Ф. 15-и (Канцелярия военного губернатора Амурской области). – Оп. 1. – Д. 160.*

*60. Там же. – Ф. 59-и (Амурское уездное полицейское управление). – Оп. 1. – Д. 9.*

*61. ГАРБ. – Ф. 190 (Троицкосавское городское полицейское управление). – Оп. 1. – Д. 189.*

*62. Савченко, Д. А. Модернизация российского законодательства XIX века об ответственности за государственные преступления / Д. А. Савченко // Электронное научное издание «Историко-правовые проблемы: Новый ракурс». 2014. № 9. URL: http://ipp.kursksu.ru/pdf/007-019.pdf (дата обращения: 16.08.2015).*

*63. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург : тип. 2 Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – 3, IV, 898, XVII с.*

*64. Воинский устав о наказаниях. – Санкт-Петербург : тип. 2-го Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1868. – VII, 121 с.*

*65. Воинский устав о наказаниях. (22 кн. Св. воен. пост. 1869 г., изд. 2) Со включением всех позднейших узаконений, последовавших в изменение текста сего Устава. – 2-е изд., испр. и доп. Неофиц. изд. – Санкт-Петербург : кн. и геогр. маг. Глав. штаба, 1899. – 123 с.*

*66. Об установлении наказаний за обнаружение государственных тайн : закон от 20 апреля 1892 г. № 8513 [Электронный ресурс]: Официальный сайт Российской национальной библиотеки. Полное собрание законов Российской империи. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 31.08.2015).*

*67. Колпакиди, А. И. Спецслужбы Российской Империи : уникальная энциклопедия / Александр Колпакиди, Александр Север. – Москва : Эксмо Яуза, 2010. – 768 с.*

*68. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым / Сост. проф. С.-Петерб. ун-та С. Н. Таганцевым. – 7-е изд., пересм. и доп. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1892. – [4], 796 с.*

*69. Клембовский, В. Н. Тайные разведки. (Воен. шпионство) / Ген. штаба подполк. В. Н. Клембовский. – Санкт-Петербург : В. Березовский, 1892. – 140, [1] с.*

*70. Японский шпионаж в царской России. Сборник документов / Под ред. П. Софинова. – М. : ГАУ НКВД СССР, 1944. – 219 с.*

*71. Чертопруд, С. В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века / С. В. Чертопруд // Вопросы защиты информации. – 1996. – № 4 (35). – С. 25 – 29.*

*72. Иванов, А. А. Нормативно-правовое обеспечение деятельности военной контрразведки Российской империи в 1903 – 1912 гг. // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 9. – С. 25 – 28.*